

**Экспертное заключение
профессора В. А. Томсинова
по поводу Апелляционных заключений,
представленных Русской Православной Религиозной
Ассоциацией на решение Второй гражданской палаты Суда
Высокой инстанции Ниццы
от 20 января 2010 года**

Апелляционное заключение РПРА, как и прежние заключения данной ассоциации по делу о праве собственности на участок в Ницце (пр-т Николая II, сектор МН, надел № 264) и Собор Святого Николая, основано на совокупности не подкрепленных фактами, законом и логикой мнений. Оно содержит много и просто голословных утверждений, не имеющих никакого отношения к указанному делу.

I. Так, например, в Апелляционных заключениях РПРА утверждается: «В самую первую очередь необходимо, чтобы настоящий Суд констатировал, что Судья первой инстанции почти исключительно опирался на экспертное заключение Профессора Томсинова, чтобы в целом одобрить аргументы Государства Российская Федерация.

Констатировав это, нужно, однако, чтобы настоящий Суд отметил, что Профессор Томсинов является служащим государства-истца, с которым он, таким образом, связан, как минимум, в качестве наемного лица.

Что в этих условиях, не пытаясь дискредитировать независимое умонастроение консультанта, можно, тем не менее, отметить, что, с одной стороны, существует связь в виде экономической зависимости между Профессором Томсиновым и Государством Российская Федерация, а с другой стороны, что развиваемая им в его втором экспертном заключении аргументация, созданная исключительно по необходимости этого дела, с учетом используемой иногда терминологии придаёт этому экспертному заключению черты адвокатского выступления в суде. (Док. № 64, французская версия, с. 10)

Эти элементы делают экспертное заключение Профессора Томсинова абсолютно несовместимым с строго научным подходом».

Во-первых, замечу, что Судья первой инстанции при вынесении решения в пользу государства Российская Федерация опирался не экспертное заключение профессора Томсинова, а на представленные в его тексте **аргументы**, которые были основаны на очевидных **фактах** и **нормах российского законодательства**. Составители же заключений РПРА строили свои выводы на статьях из Интернет-энциклопедий, на учебниках по русскому праву, на мнениях профессоров, которые

не только не являются специалистами по русскому праву, но более того не обладают достаточным знанием русской истории и системы государственного управления.

Во-вторых, вынужден с большим сожалением отметить, что утверждение РПРА о том, что *«профессор Томсинов является служащим государства-истца, с которым он, таким образом, связан, как минимум, в качестве наемного лица»* не соответствует реальному положению вещей. В действительности профессор Томсинов является не государственным служащим, а преподавателем Московского государственного университета, который, как это свойственно европейской университетской традиции, обладает большой степенью автономии, независимости от государства. Преподаватели университета не назначаются на должности, как это бывает в государственном аппарате, но **избираются своими коллегами**. В. А. Томсинов является профессором и заведующим кафедрой истории государства и права на основании того, что он был **избран** на эти должности преподавателями кафедры и Ученым советом университета, состав которого формируется также из лиц, избранных на свои должности коллегами.

Что же касается экономической зависимости, которая по утверждению РПРА, якобы существует между профессором Томсиновым и государством Российская Федерация, то непонятно вообще в чем она проявляется? Авторам Апелляционного заключения, прежде чем выступать с такими довольно оскорбительными заявлениями в адрес профессора Томсинова, следовало бы поинтересоваться размером денежного вознаграждения, которое он получает за свой преподавательский труд. Он составляет, кстати сказать, менее 1 000 (одной тысячи) евро в месяц. Три четверти — 75% — дохода профессора Томсинова, да и других российских профессоров, составляют деньги, получаемые не из государственного бюджета, а в собственных издательствах (о том, что профессор Томсинов является собственником и генеральным директором двух успешных российских издательств (Зерцало и Зерцало-М) можно прочитать в Интернете) и в других частных компаниях (за консультации).

Неужели авторы Апелляционного заключения РПРА не знают, что современное российское государство бросило высшее образование в России на произвол судьбы и почти не финансирует его, но разворачивает кампанию по дальнейшему сокращению вузов и соответственно средств, выделяемых государством на высшее образование? Об этом столько пишется в российских газетах! Как можно выступать с какими-либо утверждениями, не проверив,

соответствуют ли они фактам, действительности? Впрочем, РПРА с самого начала судебного спора с государством Российская Федерация взяла на вооружение метод беспардонных инсинуаций, голословных утверждений, клеветы и оскорблений.

Между прочим, профессор Томсинов имеет в России репутацию весьма жесткого критика политики государства в сфере образования и экономики. Он автор целого ряда статей, вышедших в авторитетных журналах¹, и интервью в «Российской газете»², в которых современное российское правительство подвергается самой жесткой критике: здесь констатируется, например, что «в настоящее время в нашем отечестве государственная корпорация находится в таком состоянии, при котором наиболее эффективно она способна выполнять только одну функцию — похоронной команды для России»³. Политика же современного Российского государства по отношению к юридическому образованию называется Томсиновым настоящим преступлением.

Клеветническое утверждение РПРА об «экономической зависимости» эксперта профессора Томсинова сделано, видимо, для того, что поставить под сомнение его выводы и аргументацию при отстаивании права собственности Российской Федерации на участок в Ницце и Собор Св. Николая. Однако эта аргументация не высосана из пальца, она логично вытекает из правовых актов, из норм закона. Почему же РПРА пренебрегает нормами закона и не пытается опровергнуть выводы и аргументы, приводимые в заключениях профессора Томсинова, но выдвигает в его адрес совершенно голословные, не подкрепленные какими-либо фактами обвинения? Такая позиция РПРА служит еще одним доказательством правильности выводов и аргументов заключений, представленных профессором Томсиновым в суд Высокой инстанции города Ниццы.

РПРА все время пытается свести суть спора между ею и Российским государством к борьбе за материальную выгоду. Потому-то и у профессора Томсинова она обнаружила экономическую подоплеку его действий по отстаиванию прав России на участок в Ницце и Собор Св. Николая. Удивительно, что Ассоциация, которая носит в своем названии имя «русской», совершенно не придает значение тому факту, что **это место в Ницце и Собор Св. Николая есть**

¹ Томсинов В. А. Преступление под названием «юридический факультет» // Закон. 2009. № 3. С. 41–49.

² Российская газета. 2009. 29 мая.

³ Томсинов В. А. Преступление под названием «юридический факультет»: продолжение разговора // Журнал «Закон». 2009. № 9. С. 112.

русская святыня. На этом месте умерла надежда России на лучшее будущее.

Цесаревич Николай Александрович был человеком высоконравственным и выдающихся дарований. Никто из династии Романовых не получал ни до него, ни после такого блестящего образования, какое получил он. Его учителями в юриспруденции и в государственоведении, наставниками в политике и морали были выдающиеся русские правоведы и мыслители: К. П. Победоносцев, Б. Н. Чичерин и др.

Ответственный за воспитание наследника российского престола граф С. Г. Строганов спросил в начале 1865 года Б. Н. Чичерина: «А как вы полагаете, Борис Николаевич, ведь Николай Александрович по уму перещеголял нас с вами?» Чичерин рассмеялся: «Да неужели, граф, вы только сегодня заметили это? Дайте этому юноше то, что мы приобрели годами, опытом и начитанностью: это был бы гений»⁴.

К. П. Победоносцев, узнав о смерти цесаревича Николая Александровича в Ницце, писал 12 (24) апреля 1865 года А. Ф. Тютчевой: «Кого и что оплакиваю — не умею сказать. Его ли молодую жизнь, его ли погибшую силу и счастье, только что распустившееся, — или милое, дорогое свое отечество — одного не умею отделить от другого. Но — холодом веет на меня и страхом — мысль о будущем. Всем горько, все притихли и приуныли от страшной вести, — но мы, знавшие его, всего сильнее чувствуем, что значит для всех потеря нашего царевича. Я верю, я чувствую всей душой, что судьба Божия совершается, что этот час — роковой час в судьбах России. На него была надежда, и в каждом из нас, знавших его, эта надежда оживала тем более, чем темнее становился горизонт, чем сильнее стали напирать темные силы, чем безотраднее казалась обстановка судеб наших. На него была надежда — мы в нем видели противодействие, в нем искали другого полюса, и глаза наши привыкли от мрака, все больше и больше сгущавшегося на северной точке нашей, обращаться в Ниццу, к нему и к Государыне. Его мы знали — и народ его знал и на него надеялся и бессознательно на нем покоил свою надежду на лучшее будущее. И эту надежду Бог взял у нас — что с нами будет? Да будет Его святая воля!»⁵.

Неужели Ассоциация, называемая «русской», не знает, что смерть цесаревича Николая Александровича в Ницце переживалась как трагедия всей Россией. И приобретать при таком общественном настроении участки земли в

---

⁴ Оом Ф. А. Воспоминания. 1826–1865 гг. М., 1896. С. 116–117.

⁵ Цит. по: Томсинов В. А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В двух томах. Том 1. М., 2007. С. 372.

Ницце в свою личность собственность, а не в собственность Российского государства, да спустя всего полгода после смерти цесаревича мог только совершенно бессовестный, из ума выживший человек. РПРА считает Александра II таким человеком? Могу только посочувствовать Ассоциации, носящей название «русской»?

Император Александр II приобретал участок для создания мавзолея, мемориала в честь умершего наследника престола, которого любила вся Россия. Неужели ассоциация, носящая название «русской», не знает, что у династии Романовых не было традиции устраивать частный мавзолей. Все захоронения умерших представителей этих династий находятся в соборах, которые никогда не принадлежали и не могли принадлежать царю как частному человеку, но являлись собственностью государства.

II. В своем «Апелляционном заключении» РПРА утверждает:

«В память о своем сыне царь Александр II выразил желание построить часовню точно на том месте, где находилась спальня усопшего. Для возведения этого памятника потребовалось сначала приобрести часть парка виллы, находившейся в собственности у Господина Бермона. Царь Александр II совершил это не от имени Империи, а сугубо от себя лично. В этом смысле акт продажи от 9 ноября 1865 г. ясно указывает на выраженное “личное желание приобрести большой дом виллы Сент-Этьен”».

Как уже говорилось в прежних моих заключениях, данное утверждение не имеет под собой никаких серьезных оснований и представляет лишь мнение, не подкрепленное ни фактами, ни законами. РПРА не учитывает, что Александр II был, с юридической точки зрения, одновременно физическим лицом и государем. И эти два качества были в нем неразрывно связаны. Поэтому его «личное желание приобрести большой дом виллы Сент-Этьен» вполне могло быть стремлением не частного лица, но личным желанием Александра II как императора.

О том, что российский государь говорил о таком желании, известно со слов господина Бермона, который сообщил, что «Его Величество Император России выразил ему личное желание приобрести большой дом Виллы Сент-Этьен». Как можно из этого свидетельства и этих совершенно обыкновенных слов Александра II делать вывод о том, что он «совершил покупку указанного «не от имени Империи, а сугубо от себя лично». Ведь эти слова выражают лишь желание

приобрести, но совсем не показывают, в какую собственность хотел российский император приобрести дом.

III. РПРА далее утверждает: *«Соответственно, Император указом от 20 декабря 1908 г. возложил управление своей собственностью – виллой Бермона на свой Императорский Кабинет».*

Издание императором указа для того, чтобы возложить управление своей собственностью на свой Императорский Кабинет, является совершенно бессмысленным поступком, поскольку управление личным имуществом императора осуществлял только Кабинет и делал это в силу своего статуса. Но этот статус предполагал управление не только личным имуществом царствующего государя, но и таким имуществом, которое принадлежало не его личности, а должности, то есть короне — являлось «государевым имуществом» или по французской терминологии «коронным имуществом» («Le domaine de France или «Le domain de Couronne»)⁶. Это различие между двумя видами имущества, принадлежавшими государю, проводилось в статье 20 Основных государственных законов в редакции от 23 апреля 1906 года. Согласно ей, имущества, именуемые «государевыми», в отличие от личных имуществ императора, «всегда принадлежат Царствующему императору, не могут быть завещаемы, поступать в раздел и подлежать иным видам отчуждения»⁷.

Отсюда видно, что «государевы» имущества являлись разновидностью государственной собственности. Не случайно, распоряжение ими осуществлялось публично-правовым порядком, то есть **посредством государевых указов**, а не личных распоряжений. Предметом Указа от 20 декабря 1908 года могло являться только государево имущество, поэтому сам способ распоряжения виллой Бермона — посредством публично-правового акта — свидетельствует о том, что император Николай II относился к этому имуществу не как к своему личному, но как к государственному.

---

⁶ «Le domaine de France est uni & incorporé à la Couronne, & est inalienable, qu'aucuns ont dit être le dot que la republique apporte au Roy à son avenement en mariage politique» (См.: Glossaire du droit françoise, contenant l'explication des mots difficiles, qui se trouvent dans les ordonnances de nos Roys dans les coutumes du Royaume. Tome premier. Paris, M. D. CC. IV. P. 356. См. об этом также: Répertoire universel et raisonné de jurisprudence civile, crimielle, canonique et bénéficiale. Tome sixième. Paris, M. DCC. LXXXIV (1784). P. 59).

⁷ Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных законов. Санкт-Петербург, 1906. Статья 20.

IV. РПРА утверждает в своем Апелляционном заключении:

«Постановлением от 27 марта 1917 г. Временное правительство полностью конфисковало и национализировало императорское имущество.

Экспроприация была произведена без предварительного возмещения, что тут же сделало ее противоречащей французскому международному общественному порядку».

РПРА опять полностью игнорирует действовавшее на тот момент российское право — в нем отсутствовал термин и понятие национализации. Впрочем, в указанном постановлении Временного правительства этого термина не было. Его текст приводится в Апелляционном заключении, где говорится, в частности:

1. *Все ныне находящиеся в распоряжении Кабинета бывшего Императора земли, леса, реки и озера признать государственными и передать в заведование и управление Министерства Земледелия.*

2. *Недра земель Кабинета, и равно принадлежащие Кабинету права на недра земель других владельцев, признать собственностью государства и передать в заведование и управление Министерства Торговли и Промышленности.*

3. *Принадлежащие Кабинету фабрики, заводы, рудники, прииски, ломни драгоценных и цветных камней, источники минеральных вод передать в заведование Министерства Торговли и Промышленности, надзору которого подчинить также все устроенные на кабинетских землях частные фабрики, заводы и горные предприятия.*

4. *Денежные капиталы, принадлежащие Кабинету и состоящие в его распоряжении, передать во владение Министерства Финансов.» (Док. № 27)»*

Как видим, в тексте Постановления было все ясно сказано: земли, находившиеся в распоряжении Кабинета, **«признать государственными и передать в заведование и управление Министерства земледелия»**. Тем не менее РПРА утверждает в своем Апелляционном заключении, что «27 марта 1917 г. Временное правительство приняло Постановление о проведении национализации земель бывшего Императора, находившихся в управлении Кабинета Императора». Почему слова «признать государственными» заменены а Апелляционном заключении РПРА на слово «национализации»? Как понимать эту замену слов? Это стремление ввести в заблуждение суд, то есть попросту обмануть его? Если что-то другое, то что?

«Признать государственными» совсем не означает конфискации. Это словосочетание означает подтверждение того статуса имущества, которое у него было прежде.

Любопытно, что в Постановлении прямо говорится *«Все ныне находящиеся в распоряжении Кабинета бывшего Императора земли, леса, реки и озера признать государственными»*. В Апелляционном же заключении РПРА утверждается: «В противоположность тому, что утверждает Российская Федерация, Постановление Временного правительства от 27 марта 1917 г. не «признает государственным» имущество, управляемое Кабинетом Императора, а принимает решение о национализации этого имущества, что имеет совершенно иной смысл. (Док. № 27). То есть в тексте законодательного акта сказано «признать государственными», а в Апелляционном заключении все равно говорится, что он «не признает государственным имущество». Как это понимать? Разве можно таким образом толковать закон, то есть самопроизвольно заменять неудобное слово на другое, более удобное.

Для толкования термина «признать государственными» РПРА привлекло себе в помощь эксперта. В Апелляционном заключении об этом говорится следующее: «Ознакомившись со всеми определениями слов «национализация» и «огосударствление», которые дают различные словари французского языка, эксперт заявляет, что французский перевод Постановления от 27 марта 1917 г. – это действительно «национализация» (Док. № 37). Как видим, эксперт совершает еще одну замену слов: он заменяет присутствующее в Постановлении от 27 марта 1917 года словосочетание «признать государственным» на термин «огосударствление».

Я утверждаю с полной уверенностью — данный эксперт не знает русского языка или сознательно пытается ввести суд в заблуждение. Тем не менее РПРА опирается на заключение такого горе-«эксперта» и делает следующий вывод: *«Термин «передача в собственность государства» во французском языке смысла не имеет: он представляет собой лишь неудачное объяснение понятия Национализация, возможно, Огосударствление»*. И далее в Апелляционном заключении приводятся цитаты из словаря французского языка («Словарь французского языка «Новый Пети Робер» 2008 г. издания, с. 1972: **НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ: Передача государству (нации) контроля и права собственности (полного или частичного)⁸ на средства производства,**

⁸ В оригинале на фр. языке – «orale ou partielle» (т.е. «устного или частичного»), но здесь, видимо, ошибка, и читать следует «полного или частичного» - прим. пер.

принадлежащие частному предприятию, или на осуществление некоторых видов деятельности. Синонимы: Коллективизация, Конфискация, Огосударствление, Обобществление»).

Используемое в Постановлении Временного правительства от 27 марта 1917 года словосочетание «признать государственными» совсем не означает «передать государству». Неужели неясно РПРА и ее горе-экспертам, что «признать государственными» означает **«признать»**, а не «передать». Неужели эксперт не понимает различия между терминами «признать» и «передать». Это еще один странный, очень странный случай замены слов. С какой целью РПРА прибегает к таким уловкам — чтобы ввести в заблуждение суд? Но ведь над решением суда, построенным на подобных совершенно странных «умозаключениях», будет смеяться вся Франция (и Россия, конечно, и намного громче Франции).

V. РПРА утверждает: «Постановление от 27 марта 1917 г., последовавшее за падением Империи, не преследовало, разумеется, цель «подтвердить государственную собственность» на имущество Кабинета Императора.

Действительно, какой смысл обретал акт, которым собственник «подтверждал бы» свою собственность?

Абсолютно никакого.

Если бы участок и Собор с самого начала были государственной собственностью, Постановление от 27 марта 1917 г. не имело бы никакого смысла».

Постановлением от 27 марта 1917 года Временное правительство лишь подтверждало государственный статус имущества, которым распоряжался Кабинет, и назначало управляющим данным имуществом другой орган — Министерство земледелия, которое, кстати, всегда управляло государственными землями. Но почему земли и иное имущество, находившееся в распоряжении Кабинета Его Императорского Величества, передавалось Министерству. Да потому, что **императорского величества больше в России не было — оно отреклось от престола**. Кабинет Его Императорского Величества, оказавшись без императора, превращался из реально существовавшего и действовавшего государственного органа в фантом. Он был государственным при императоре: нет императора — нет и Кабинета. Но раз нет Кабинета как действующего органа, то имущество, которое ему принадлежало, оказывается без управляющего. Следовательно, необходимо было определить новый государственный орган в качестве управляющего этим имуществом. В этом и был смысл Постановления Временного Правительства от 27 марта 1917 года.

VI. РПРА утверждает, что после принятия 23 января 1918 года Декрета об отделении церкви от государства *«договор об эмфитеотической аренде был расторгнут де факто в тот же день 23 января 1918 г. тогдашним Российским государством, поскольку наймода́тель перестал существовать»*.

Непонятно, почему принятие государством декрета об отделении от церкви уничтожает наймода́теля, то есть государство. Советское государство стало преемником Российской республики 1917 года, а Российская республика была, в свою очередь, преемницей Российской империи, которая являлась наймода́телем.

Приведенное утверждение из Апелляционного заключения РПРА показывает непонимание его авторами юридической природы института наймода́теля. Наймода́тель — это не конкретный человек, не конкретная организация и не конкретное государство, но совокупность строго определенных прав и обязанностей. Российская империя являлась всего лишь носителем этих прав и обязанностей. После ее исчезновения права и обязанности наймода́теля перешли на другое государство, потом на третье — Советское, а в 1991 году — на четвертое — нынешнюю Российскую Федерацию.

Наймода́тель не исчезает полностью даже если он — физическое лицо. Статья 1742 Code civil des français гласит: «Le contrat de louage n'est point résolu par la mort du bailleur ni par celle du preneur».

VII. После описания событий, приведших к созданию РПРА и переходу к ней во владение участка в Ницце и Собора Св. Николая в Апелляционном заключении утверждается: «Из изложения этих событий следует сделать вывод, что участок, на котором построен Собор Святого Николая, исходно является личным имуществом Императора.

Ни разу и никоим образом Российское государство в его имперской форме, в форме СССР или в форме Российской Федерации не становилось его собственником, а также собственником построенного на нем Собора Святого Николая.

Наоборот, развитие Истории показывает, что изначальные собственники отказались от права собственности на эту недвижимость в силу актов, принятых Российским государством после большевистской революции и, в частности, в силу убийства императора. Кроме того, декрет об отделении церкви от государства от 23 января 1918 г. положил конец договору об эмфитеотической аренде. Брошенный таким образом Собор Ниццы пять лет спустя был взят в руки Русской Православной Религиозной Ассоциацией Ниццы, никак не связанной с бывшей Епархиальной администрацией Санкт-Петербурга.

И в конечном счете РПРАН является единственным собственником указанной недвижимости, приобретая ее по сроку давности в результате мирного и непрерывного владения ею в течение более 80 лет».

Приведенный отрывок из Апелляционного заключения показывает полное отсутствие у автором этого документа юридического мышления и соответственно стремление юридические проблемы представить в качестве бытовых.

Во-первых, замечу «из изложения этих событий» невозможно утверждать, что участок, на котором построен Собор Святого Николая «исходно является личным имуществом Императора».

Во-вторых, акты большевистской революции и убийство группой большевистских головорезов семьи императора Николая II никак не могут свидетельствовать об отказе «изначальных собственников» от права собственности на этот участок и Собор.

К слову сказать, РПРА противоречит сама себе: сначала категорично утверждает, что «участок, на котором построен Собор Святого Николая, исходно является личным имуществом Императора». А потом говорит о том, что «изначальные собственники отказались от права собственности на эту недвижимость в силу актов, принятых Российским государством после большевистской революции и, в частности, в силу убийства императора». Очевидно, что отказаться от права собственности могло в данном случае только государство — следовательно, РПРА признает этой фразой, что участок и Собор Св. Николая находились в государственной собственности.

VIII. Далее в Апелляционном заключении приводится текст соглашения, которое правительство Государства Российская Федерация и правительство Французской Республики подписали 27 мая 1997 года, и предпринимается попытка распространить его и на земельный участок в Ницце с Собором Св. Николая. Но из текста соглашения видно, что «российская сторона» обязалась не предъявлять «*ни от своего имени, ни от имени российских физических и юридических лиц*» финансовых и имущественных требований к Французской Республике. При чем здесь Русская Православная Религиозная Ассоциация, непонятно. Данная ассоциация, ведь, явно не является Французской Республикой. А исковое требование Российская Федерация предъявила именно к ней, а не к Французскому государству.

Соглашение от 27 мая 1997 года явно не применимо в данном случае. К тому же предметом спора является не просто имущество, а Собор-мемориал.

IX. В своем Апелляционном заключении РПРА снова опирается на экспертное заключение, составленное в 1925 года «Господином Графом Владимиром Коковцевым, бывшим Сенатором, бывшим Министром Российской Империи с 1911 по 1914 г.г. и Председателем Совета Министров с 1911 по 1914 г.г.; Господином Петром Кауфманом-Туркестанским, бывшим Сенатором и Министром Образования Российской Империи; Господином Сергеем Крыжановским, бывшим Сенатором и Секретарем Российской Империи и, наконец, Господином Евграфом Ковалевским, бывшим членом Российской Думы, Генеральным докладчиком по вопросам церкви в России и бывшим адвокатом». В частности, РПРА ссылается на мнение перечисленных господ, по которому выходит, что земельный участок в Ницце и построенный на нем Собор Св. Николая «является не государственным имуществом, а частной собственностью наследников Императора Александра II, входящей в категорию приобретенного имущества» и что «Российское государство не имеет никакого права на эту недвижимость».

В одном из своих заключений я давал оценку данному заключению как документу, составленному людьми, которые не являлись профессиональными юристами и не знали действовавшего до революции российского права. В доказательство этого вывода мною приводились конкретные факты, свидетельствующие о том, что они не смогли подкрепить свое мнение нормами законодательства и вместо этого дали ссылки на статьи Свода законов Российской империи, содержание которых не имело никакого отношения к проблеме права собственности на недвижимость и к статусу имущества императора.

Вместо того, чтобы опровергнуть мою оценку экспертного заключения 1925 года, РПРА снова попыталось доказать, что его авторы были профессиональными юристами. В частности, в Апелляционном заключении говорится:

«В своем втором экспертном заключении Профессор Томсинов пытается полностью развенчать квалификацию этих бывших высоких имперских должностных лиц в их способности высказывать авторитетное мнение, поскольку они не были *«профессиональными юристами»*, *«не имели никакого юридического образования и не работали в качестве юристов»*, вплоть до того даже, что он пишет: *«Любой чиновник, любой депутат парламента является исполнителем или проводником правовых норм, но это не означает, что он профессиональный юрист и его экспертное заключение по правовым вопросам может приниматься в качестве авторитетного мнения.*

«Однако их дипломы об университетском образовании ясно говорят о том, что авторы экспертного заключения 1925 г. являются специалистами российского имперского права».

Далее в Апелляционном заключении приводятся многочисленные факты, свидетельствующие по мысли его автором о том, что они были квалифицированными юристами и делается следующий вывод:

«Таким образом, авторы экспертного заключения 1925 г. имели солидное юридическое образование в области российского имперского права, дополненное серьезным опытом применения права Российской Империи.

Критические замечания, выдвинутые в их адрес Профессором Томсиновым, не могут, таким образом, поставить под вопрос обоснованность их анализа, изложенного в экспертном заключении 1925 г., представленного апеллирующей Ассоциацией».

Между тем свой вывод о том, что они не были квалифицированными юристами — знатоками российского права я основывал главным образом на содержании их экспертного заключения. Квалифицированные юристы не могли дать заключение с такими грубыми ошибками, показывающими неспособность его авторов дать юридическое толкование текста закона. Мне остается здесь лишь повторить аргументы, высказанные в моем заключении и принятые судом Второй гражданской палаты Суда Высокой инстанции гор. Ниццы как вполне убедительные.

Итак, я писал следующее: «Экспертное» заключение, заверенное 4 мая 1925 г. парижским нотариусом Мэтром Дошезом, выражает мнение по правовой проблеме не специалистов, а обыкновенных граждан и по своему значению равно мнению любого из посетителей кабинета парижского нотариуса, проживавших когда-то в Российской империи и состоявших на государственной службе.

Поскольку это заключение составляли лица, не получившие юридического образования и не являющиеся профессиональными юристами, то неудивительно, что они допустили в нем целый ряд грубейших ошибок, простительных неспециалисту, но непростительных юристу-профессионалу.

В частности, указанные ими статьи содержат совсем не то, что они пишут. Содержание ряда статей истолковано ими неправильно, поскольку вырывается из контекста. Они нарушили правило юриста-профессионала — толковать отдельные статьи закона только в совокупности с другими его статьями, а не в отрыве от них. Многие факты, приведенные ими в заключении, вообще не относятся к вопросу, для разрешения которого это заключение давалось. Бывшие

чиновники государственного аппарата Российской империи, привлеченные в качестве экспертов», не обратили внимания на то, что император был «**Главой** Императорского Дома», а не просто «Членом» его, и к нему были неприменимы нормы, относившиеся исключительно к «Членам Императорского Дома». Об этом свидетельствуют статьи 219 и 220 из главы 6 «Свода основных государственных законов» в редакции 1906 года. Само название главы примечательно — «О обязанностях Членов Императорского Дома к Императору». Ст. 219 гласит: «Царствующий Император во всяком случае почтен быть должен **Главою** всей Императорской Фамилии и есть на всегдашнее время попечитель и покровитель оной». Ст. 220: «Каждый Член Императорского Дома обязуется к лицу Царствующего, яко к **Главе Дома** и Самодержцу, совершенным почтением, повиновением, послушанием и подданством.

В своем «экспертном» заключении господ Коковцев, Кауфман-Туркестанский, Крыжановский и Ковалевский заявляют: «Настоящим свидетельствуем, что император России и Члены Императорского Дома в соответствии с законами пользовались правом владеть в качестве собственников своим собственным имуществом, не принадлежащим государству вне зависимости от относящегося к государственному владению имущества, предназначенного для содержания Императорского Дома, это частное имущество являлось их личной собственностью, и они владели и распоряжались им так же, как любой другой частный собственник в силу предписаний общих гражданских законов. Права в области владения лицами Императорского Дома определялись нижеследующими положениями законодательства». Далее в «экспертном» заключении приводятся статьи, которые имеют отношение только к «Членам Императорского Дома», но не к его Главе. Статья 698 из Свода гражданских законов вырвана из контекста. При толковании ее в сочетании со статьями 696 и 698 становится предельно ясным, что она относится только к «Членам» Императорского Дома, а не к его «Главе» — Императору. Статья 696 гласит: «Верховное обладание государственными имуществами принадлежит единственно самодержавной власти Императорского Величества». Ст. 697: «Обладание удельными имуществами принадлежит единственно Членам Императорского Дома». Ст. 698: «Все прочие права на имущества, по различию самых имуществ и в пределах, законом определенных, могут приобретать: 1) Члены Императорского Дома; 2) дворцовые управления; 3) казна» и т. д.

В «экспертном» заключении господ Коковцева, Кауфман-Туркестанского, Крыжановского и Ковалевского называется статья 165 (том 1. ч. 1 «Свода

конституционных законов Российской империи»), в которой якобы говорится, что *«имущество, принадлежащее членам Императорского Дома, делится на четыре вида) 1) заповедное 2) дворцовое 3) родовое 4) благоприобретенное».*

Заметим, во-первых, в томе 1. ч. 1 Свода законов Российской империи излагается Свод не «конституционных», а основных государственных законов. В статье 165 этого свода говорится о содержании Членов Императорского Дома. Классификация же имуществ, «принадлежащих лицам Императорского Дома», дается в статье 209, которая гласит: «Имущества, принадлежащие лицам Императорского Дома, суть четырех родов: 1) заповедные, 2) дворцовые, 3) родовые и 4) благоприобретенные». Согласно статье 210, «пространство прав лиц Императорской Фамилии определяется: на имущества заповедные — правилами о них, изложенными в приложении VI; на имущества дворцовые, перечисленные в 412 статье Законов Гражданских, — постановлениями означенной статьи и актами, по коим имущества сии дошли к настоящим владельцам; на родовые и благоприобретенные имущества — общими гражданскими законами и постановлениями, в сем положении изложенными».

В экспертном заключении Коковцева, Кауфман-Туркестанского, Крыжановского и Ковалевского говорится: *«Дворцовым» имуществом было то, которое было в этих целях перечислено в статье 412 Российского гражданского кодекса и предназначалось для содержания различных дворцов Императорского Дома, все это имущество находится в России, а не за границей, оно принадлежит к одной из двух следующих категорий: а) имущество, представляющее собой собственность царствующего императора и в) имущество, представляющее собой собственность того или иного члена Императорского Дома. Имущество, находящееся за пределами России и, следовательно, не перечисленное в статье 412 Российского гражданского кодекса, не может быть «дворцовым».*

Согласно статье 412 Свода гражданских законов, «дворцовыми» назывались имущества, «приписанные к содержанию разных дворцов Императорского Дома». Однако делились «дворцовые» имущества совсем не на такие категории, на которые указывается в «экспертном» заключении Коковцева, Кауфман-Туркестанского, Крыжановского и Ковалевского. Названные господа не смогли понять смысла статьи 412 или намеренно скрыли его. Им надо было просто привести подлинные слова этой статьи, а именно: «Дворцовые имущества суть двоякого рода: имущества первого рода, именуемые Государевыми, каковы суть: имения Царскосельское, Петергофское, Таицкое, Дагомыс и Мургабское, имение “Ореанда” Таврической губернии, и княжество Ловичское; имения, состоящие в

заведывании Московского дворцового управления, а также Императорские дворцы с землями: Красносельские, Царскославянский, Екатерининтальский и Киевский, — всегда принадлежат царствующему Императору, не могут быть завещаемы, поступать в раздел и подлежат иным видам отчуждения. Дворцовые имущества второго рода, каковы суть: Павловское, Стрелинское, Гатчинское, Ропшинское, Михайловское, Бородинское, Гдовское, Ильинское, Усово, Ливадия, Дудергофское и Знаменское, составляют личную собственность Особ Императорского Дома и могут быть завещаемы и делимы по частям».

Первую категорию «дворцового» имущества составители рассматриваемого «экспертного» заключения преподносят как *«имущество, представляющее собой собственность царствующего императора»* и тем самым грубейшим образом искажают подлинное содержание статьи 412. В ней на самом деле говорится не о том, что это имущество представляет собой собственность царствующего императора, но о том, что оно **принадлежит** царствующему императору. И самое главное: в заключении Коковцева, Кауфман-Туркестанского, Крыжановского и Ковалевского пропущено важнейшее слово — **«всегда»**, которое задает смысл всей статье, и определение «государевые». Эта категория дворцовых имуществ «всегда» принадлежит «царствующему императору», что означает, что эти имущества привязаны не к личности императора, а к его должности. Личность меняется, а имущества всегда остаются принадлежностью царствующего императора — они являются **государевыми**, что, в сущности, равнозначно определению **«государственными»**.

Из содержания статьи 412 совсем не следует вывод, который делают составители заключения, а именно: *«Имущество, находящееся за пределами России и, следовательно, не перечисленное в статье 412 Российского гражданского кодекса, не может быть «дворцовым»*. Перечень имуществ, относящихся к категории «государевых», всегда принадлежащих царствующему императору, дается в статье **для иллюстрации, для примера** — он не является исчерпывающим. Подобным же образом в статье 524 Code civil français (Гражданского кодекса Франции) дается перечень недвижимых имуществ, который **не является исчерпывающим**, но служит исключительно для иллюстрации того, какие имущества и при каких условиях становятся недвижимыми.

Статью 412 Свода гражданских законов необходимо рассматривать вместе со статьей 20 Свода основных государственных законов, которая гласит:

«Государь Император издает непосредственно указы и повеления как в отношении имуществ, личную Его собственность составляющих, так равно в отношении имуществ, именуемых Государевыми, кои, всегда принадлежа Царствующему Императору, не могут быть завещаемы, поступать в раздел и подлежат иным видам отчуждения. Как те, так и другие имущества не подчиняются платежу налогов и сборов».

Как видим, здесь говорится о дворцовых имуществах первой категории, называемых «государевыми», но при этом не приводится их списка. Очевидно, что если бы в данную категорию включались строго определенные дворцы и земли, то они были бы названы в этой статье. Тот факт, что перечень объектов, относящихся к категории государевых имуществ, в статье отсутствует, явно свидетельствует о том, что такой перечень не был четко определен: в него мог попасть и какой-либо вновь приобретенный объект — например, участок земли в Ницце.

Таким образом, вопреки мнению уважаемых господ Коковцева, Кауфман-Туркестанского, Крыжановского и Ковалевского **имущества, не включенные в перечень статьи 412 и находящиеся за пределами России, вполне могли быть «дворцовыми» первой категории, а значит принадлежащими не личности императора, а его короне, должности или титулу, то есть российскому государству**, поскольку это государственная должность и императорский титул — титул главы государства.

В экспертном заключении Коковцева, Кауфман-Туркестанского, Крыжановского и Ковалевского говорится о том, что *«статья 166 Свода конституционных законов Российской Империи определяла пределы прав членов Императорского Дома, которые устанавливались на ... наследственное и приобретенное имущество в соответствии с общегражданскими положениями и законами»*. **В действительности статья 166 Свода основных государственных законов говорила не об этом, а о мере содержания Членов Императорского Дома.**

В рассматриваемом заключении говорится, что *«статья 170 того же кодекса указывала, что наследственное и приобретенное имущество членов императорской семьи, в отношении которого не было сделано никакого распоряжения по завещанию, наследовалось в соответствии с общегражданскими законами»*. На самом деле в статье 170 Свода основных государственных законов идет речь о приданном великих княжен. И статья 170 Свода гражданских законов тоже не имеет

отношения к наследственному и приобретенному имуществу императорской семьи, поскольку гласит: «Родители не имеют права на жизнь детей, и за убийство их судятся и наказываются по уголовным законам. 1649 Янв. 29 (1) гл. XXII, ст. 3, 26; 1716 Март. 30 (3006) Воин. Проц., арт. 163; 1845 Авг. 15 (19283) ст. 1922».

Далее в экспертном заключении 1925 года говорится, что *«статья 173 того же кодекса указывала, что дела, касающиеся имущества, принадлежащего членам Императорского Дома, относились к компетенции судов, где их рассмотрение должно было проводиться в соответствии с общегражданскими законами»*. В

действительности в этой статье идет речь о назначении содержания сыну императора (кроме наследника). **Впрочем, мне непонятно, зачем вообще составители заключения приводили эти статьи, которые не имеют никакого отношения к вопросу, который они призваны были разрешить.** Статья 173 Свода гражданских законов вообще не касается имущества, в ней говорится: «Родители должны обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей и стараться домашним воспитанием приготовить нравы их и содействовать видам правительства (а). Впрочем, родителям предоставляется на волю воспитывать детей своих дома или отдавать их в общественные заведения, от правительства или частных лиц учрежденные (б). (а) 1826 Июл. 13 (465). — (б) 1714 Февр. 28 (2778); 1715 Дек. 28 (2971) ст. 1; 1716 Янв. 18 (2979); 1721 Янв. 9 (3703); 1747 Июл. 24 (9425); 1755 Янв. 24 (10346); 1762 Окт. 25 (11696); 1764 Мая 5 (12154); 1765 Янв. 31 (12323); 1766 Сент. 11 (12741); 1775 Ноябрь. 7 (14392) ст. 384; 1831 Февр. 18 (4364); 1881 Февр. 17 (61878)».

Конечный вывод заключения Коковцева, Кауфман-Туркестанского, Крыжановского и Ковалевского, заверенного 4 мая 1925 г. парижским нотариусом Мэтром Дошезом, не опирается ни на достоверные факты, ни на законодательство Российской империи. В заключении говорится: *«Таким образом, установлено, что в силу законов бывшей Российской Империи Император и члены Императорского Дома пользовались таким же правом частной собственности на их личное имущество, каким пользовались все другие частные собственники, они могли приобретать, продавать, завещать свое имущество от своего собственного имени, подчиняясь во всех этих случаях общегражданским законам, как любое другое частное лицо»*.

Это действительно так, но из одного этого факта нельзя делать следующий вывод, а именно:

«В том, что касается прав Императорского Дома России на участок, где построена русская православная Церковь на Бульваре Царевича в Ницце (Приморские

Альпы), мы, нижеподписавшиеся, удостоверяем, что с учетом купчей, составленной на имя императора Александра II, лично указанного в этом акте как покупателя недвижимости,

Эта недвижимость является не государственным имуществом, а частной собственностью наследников Императора Александра II, входящей в категорию приобретенного имущества.

- a) Император Александр II, а также его преемник Император Николай II могли полноправно в качестве частных собственников продавать, закладывать или сдавать эту недвижимость в аренду.
- b) Российское государство не имеет никакого права на эту недвижимость».

Приведенное утверждение, венчающее «экспертное» заключение Коковцева, Кауфман-Туркестанского, Крыжановского и Ковалевского, является совершенно голословным, не имеющим никакого сколько-нибудь серьезного основания и главное — какой-либо юридической базы. По всей видимости, названные лица, вынужденные вследствие прихода к власти большевиков покинуть свою Родину, руководствовались в данном случае единственно желанием не допустить перехода участка и храма русской православной Церкви на Бульваре Царевича в Ницце в собственность революционного антиправославного государства.

Ж. Далее в рассматриваемом Апелляционном заключении РПРА делается следующее заявление: «Кроме того, настоящий Суд не преминет констатировать, что положения вышеуказанного экспертного заключения (т. е. заключения 1925 г.) полностью подтверждаются выводами специалиста по российской истории университетского Профессора Жана-Пьера Арриньона. (Док. № 23)»

Он, в частности, является автором исчерпывающего труда под названием «Россия», вышедшего в издании «Университетская Пресса Франции» в 2008 г.

Мне приходилось уже писать и о заключении профессора Жана-Пьера Арриньона. Оно явно выдает отсутствие у его автора юридического образования и заставляет предполагать, что и русской истории он не знает. Указанная книга, принадлежащая перу профессора Арриньона, не является юридическим произведением, да и книгой по истории России назвать его трудно.

В одном из своих заключений профессор Арриньон утверждает, что реформы, осуществленные в России в 60–70-е годы XIX века (почему-то им называется только четыре из них, хотя их было значительно больше) «страдали одним крупным недостатком: они зависели от воли самодержца через посредство Кабинета Императора».

На самом деле реформы проводились не через посредство Кабинета — Кабинет не имел отношения к этим реформам.

В справке профессора Жан-Пьера Арриньона говорится: «После балканских войн усиливаются революционные волнения, и Александра II убивают 11 марта 1881 г. Правительства Александра III (1881-1894) и Николая II (1894-1917) воспользуются случаем, чтобы положить конец либеральным реформам. *Полицейская и незаконная слежка усиливалась в рамках III отделения Кабинета Императора*».

На самом деле Третье отделение было создано и действовало в рамках Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а не Кабинета — оно было отделением именно государевой канцелярии.

Но самый главный недостаток справок французского профессора состоит в игнорировании законодательных актов и правовых норм, посвященных Кабинету Его Императорского Величества. Вывод Жан-Пьера Арриньона о природе Кабинета ничего не дает для прояснения главного вопроса, являлся этот орган государственным или нет. Так, французский профессор пишет: *«Кабинет Его Величества Императора России был местом выражения его личной императорской воли. В его распоряжении был штат специалистов, и действовал он вне структур империи. В этом качестве ему приходилось заниматься как государственными, так и частными делами. Он являлся местом проявления самодержавной воли императора*». Из приведенного заключения неясно, какую волю выражал Кабинет — личную волю императора или самодержавную, то есть государственную. Да и что дает этот вывод?

Все это и заставило меня сделать вывод о низкой квалификации профессора Арриньона как специалиста по русской истории. Но если он не является таким специалистом, зачем РПРА привлекло его в качестве эксперта — чтобы опозорить перед русским профессором?

В Апелляционном заключении РПРА снова повторяется вывод профессора Арриньона, уже опровергавшийся мною в одном из заключений, а именно: *«Употребление императорского титула подчиняется строгим правилам. Когда Император действует в официальном качестве, использование императорского титула соответствует исключительно точному и строгому протоколу, как мы можем видеть это во время опубликования Манифеста от 18 февраля 1861 г. императором Александром II»*.

Хотелось бы спросить профессора Арриньона, каким актом эти «строгие правила», а также «точный и строгий протокол», о которых он говорит, установлены? Не было на самом деле такого акта и не было строгих и точных

правил. И не могло быть. Потому что полный титул был очень длинным. Вот его образец (Свод основных государственных законов. 1906 г. Ст. 59): «*Божиею поспешествующею милостью, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский: Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса-Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новагорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея северныя страны Повелитель; и Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Армянские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский, Наследник Норвежский, Герцог Шлезвинг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая*».

В законодательных актах и, в частности, в Манифесте от 18 февраля 1861 года, на который ссылается профессор Жан-Пьер Арриньон, приводился только сокращенный императорский титул. Таким было правило. Для документов иного рода — таких, как Акт купли-продажи императором Александром II земельного участка в Ницце — форма императорского титула вообще не была определена. Нет ни одной статьи в Своде законов Российской империи, которая бы устанавливала форму титула для таких документов.

XI. РПРА отмечает в своем Апелляционном заключении, что «акт продажи виллы Бермона от 9 ноября 1865 г. в его французской версии не приводит вышеуказанный полный императорский титул Александра II, ограничиваясь терминами «*Его Императорское Величество, Самодержец всея Руси, проживающий в Санкт-Петербурге*». Это действительно так, но данный факт как раз и служит еще одним доказательством в пользу того, что Александр II приобретал виллу Бермон не в свою личную собственность, а в собственность короны, то есть государства Российского. Если бы Александр II выступал в акте продажи виллы в качестве частного лица, то он бы назывался по имени и фамилии как Александр Николаевич Романов со всеми атрибутами, необходимым для акта, то есть с датой рождения.

XII. РПРА утверждает: «Суд Высокой инстанции Ниццы принял далее мнение Профессора Томсинова, считающего, что *«Кабинет Императора был независимым государственным органом в системе государственной власти Российской Империи, который занимался управлением как государственным, так и частным имуществом царей.»* (Решение. с. 10)».

Замечу, во-первых, что Суд Высокой инстанции Ниццы **принял не мнение профессора Томсинова, а представленные им доказательства в пользу этого мнения.** Они были изложены мною в документе под названием «Экспертное заключение о юридической природе Кабинета Его Императорского Величества, действовавшего в системе государственного управления Российской империи в XVIII – начале XX века, и о правовом статусе земельных участков, находившихся в его ведении». А в последнем заключении были приведены статьи с 887 по 893 из закона «Учреждения министерств», определяющие статус Кабинета как государственного органа.

Факты же показывают, что структурная эволюция Кабинета Е. И. В. на протяжении всего времени его существования повторяла структурную эволюцию ведомств государственного управления. Соответственно этому изменялся и статус лиц, служивших в Кабинете Е. И. В. Эти лица считались государственными чиновниками, они имели государственные чины, предусмотренные Табелью о рангах для лиц, состоявших на государственной службе, особые мундиры со специальными знаками различия, подчеркивавшими их статус государственных чиновников, по выходе в отставку они получали пенсии из государственной казны. Свидетельством того, что лица, служившие в Кабинете, имели статус государственных чиновников, служит хотя бы книга под названием: «Список чинов Министерства Императорского Двора. 5 сентября 1910 года» (СПб., 1910). На страницах с 43 по 88 дан перечень лиц, служивших в то время в кабинете. Они явно статус чиновников.

В Апелляционном же заключении РПРА предпринимается попытка опровергнуть вытекающий из норм закона «Учреждения министерств» и конкретных фактов вывод о Кабинете как о государственном органе. На что же опирается заключение РПРА? Как ни странно — на статьи не законов, а сомнительных Интернет-энциклопедий, написанные дилетантами, т.е. людьми, которые не являются специалистами в этом вопросе. Не случайно, в этих статьях нет ни одной ссылки на вышеуказанный закон.

XIII. В Апелляционном заключении РПРА утверждается, что «около половины фондов, благодаря которым был построен Собор, в любом случае не принадлежало Российскому Имперскому государству, поскольку происходило из личных средств Царя Николая II и князя Голицына, имевшего титул оберегермейстера Его Императорского Величества, так как он был владельцем великолепных конюшен и огромного состояния, которое он не колеблясь потратил на то, чтобы финансировать строительство Собора.

Наконец, около четверти финансирования было обеспечено частными дарениями (300.000 франков золотом от дарителей и более 100.000 франков золотом от различных дарений и мелких поступлений).

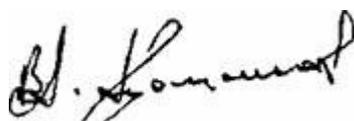
Таким образом, частное финансирование культового здания является явно преобладающим, поскольку оно составляет около 75% вложенных средств».

Замечу по этому поводу, что подобных фактов недостаточно для того, дабы сделать вывод о том, что Собор Св. Николая не являлся собственностью государства Российского. Статус того или иного имущества не определяется тем, как финансировалось его создание или приобретение. Порядок финансирования, характер денежных средств — частные они, общественные или государственные — никак не могли повлиять на статус Собора Св. Николая. Он мог быть возведен целиком на деньги какого-то физического лица, но при этом оставаться в государственной собственности. В России же строительство церковных храмов, как правило, имело финансирование из разных источников: это были частично государственные средства, частично средства членов царской семьи и самого императора, частично общественные пожертвования и т.д.

Сведения о том, как шло финансирование строительства Собора Св. Николая в Ницце представляют определенный интерес, но не для юристов, а для историков и всех людей интересующихся историей России.

1 сентября 2010 года

Заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
доктор юридических наук, профессор

В. А. Томсинов